

УДК 94(47).084

doi:10.21685/2072-3024-2022-1-2

«Моральная экономика» как концепт и П. П. Марчενя как ее исследователь

В. В. Бабашкин¹, О. Г. Буховец²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

²Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

¹babashkinvv@outlook.com, ²o_bukhovets@tut.by

Аннотация. *Актуальность и цели.* Возникшая в позапрошлом столетии теория общественного прогресса применялась в советской историографии как методология исследования в виде так называемых марксизма-ленинизма и научного коммунизма. В 1990-е гг. в нашей стране имела место попытка радикально поменять эту версию теории прогресса на альтернативную, предполагающую антикоммунизм в политике и рыночный либерализм в экономике. Неактуальность такого теоретического подхода к изучению российской истории XX в. все более очевидна. Цель статьи – показать, что можно и нужно с этим делать. *Материалы и методы.* Один из вариантов достижения такой цели видится в изучении опыта работы междисциплинарных межрегиональных и международных теоретических семинаров, в ходе работы которых историки и специалисты в других областях обществоведения приближаются к рассмотрению важнейших вопросов истории России в XX в., минуя догматы обеих ипостасей теории прогресса. Соответственно, осмысление и обобщение опубликованных материалов таких научных мероприятий куда более целесообразно с теоретических позиций моральной экономики. *Результаты.* Показано, какую эстафету удалось перехватить П. П. Марчєня и его коллеге С. Ю. Разину как организаторам научного проекта «Народ и власть» у теоретического семинара 1990-х гг. «Современные концепции аграрного развития» и какие перспективы при изучении революционных преобразований в российском обществе на разных этапах его развития в прошлом столетии, равно как и на современном этапе, открываются с применением концепта «моральная экономика». *Выводы.* Коллеги-историки вполне могут обходиться и без использования словосочетания «моральная экономика», однако оспаривать необходимость специального методологического подхода при изучении истории стран некапиталистической цивилизации в современном обществоведении становится все труднее. И этими трудностями мы в определенной мере обязаны П. П. Марчєня и С. Ю. Разину: опыт работы в области чисто исторического исследования, конечно, хорош, однако требуется также и большая научно-организационная деятельность.

Ключевые слова: крестьяноведение, теория прогресса, крестьянская революция, крестьянский менталитет, массовое правосознание, морально-ценностные установки, нэп, коллективизация, россияведение

Финансирование: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Бабашкин В. В., Буховец О. Г. «Моральная экономика» как концепт и П. П. Марчєня как ее исследователь // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 11–28. doi:10.21685/2072-3024-2022-1-2

“Moral economy” as a concept and P. P. Marchenya as its researcher

V.V. Babashkin¹, O.G. Bukhovets²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

²Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

¹babashkinvv@outlook.com, ²o_bukhovets@tut.by

Abstract. *Background.* The theory of social progress that emerged in the 19th century was unanimously applied in Soviet historiography as a research methodology taking the form of “Marxism-Leninism” and (or) “scientific communism”. In the 1990s, we witnessed the energetic attempt to change that version of the theory of progress to the alternative one: anti-communism in politics and market liberalism in the economy. The irrelevance of this theoretical change when studying modern Russian history is nowadays more and more obvious as the anti-communist version of the theory turns out to be even less appropriate. The purpose of the article is to show what can and should be done about it. *Materials and methods.* Studying the published materials of interdisciplinary interregional and international theoretical seminars as strong attempts of many historians and specialists in other fields of social science to consider most important issues of the history of Russia in the twentieth century bypassing the dogmas of the both versions of the theory of progress is an important way of realizing this purpose. And one of quite possible ways of such bypassing is applying the theoretical standpoint of moral economy in historical research. *Results.* It is shown in what way the organizers of the scientific project “People and Power” Pavel Marchenya and his colleague Sergey Razin managed to follow the basic traditions of the theoretical seminar of the 1990s “Modern concepts of agrarian development” and in what respect the scholars involved in the project went further in the study of revolutionary transformations in Russian society at different stages of its development in the last century as well as at the present stage. The use of the “moral economy” approach is specially stressed. *Conclusions.* Historians may rather well do without using the very phrase “moral economy” however it is becoming increasingly difficult to neglect the need for a special methodological approach in modern social science when studying the history of nations of non-capitalist civilization. And these difficulties to a certain extent result from P. Marchenya’s and S. Razin’s dedicated work in organizing those brainstorming sessions within the framework of the project “People and Power”.

Keywords: Peasant Studies, theory of progress, peasant revolution, peasant mentality, mass legal consciousness, moral-and-value attitudes, NEP, collectivization, Russian Studies

Acknowledgments: the work was performed within a research project by RANEPa.

For citation: Babashkin V.V., Bukhovets O.G. “Moral economy” as a concept and P. P. Marchenya as its researcher. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2022;(1):11–28. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-1-2

Словосочетание «моральная экономика» составляет в современном обществоведении именно концепт, поскольку не является простой суммой значений слов «экономика» и «мораль». В англоязычной исследовательской литературе оно фактически означает то же, что подразумевается под “*Peasant Studies*”, – с легкой руки классика этого направления историко-социологических исследований американца Джеймса Скотта, опубликовавшего в 1976 г. монографию «Моральная экономика крестьянства» [1]. Существует предание о том, как эта исследовательская традиция пробивалась в русскоязычное интеллектуальное пространство под именем «крестьяноведение» [2].

Было бы излишне оптимистичным с нашей стороны утверждать здесь, что это сложное слово, долженствующее означать теорию и историю обществ и стран традиционной крестьянской некапиталистической цивилизации, без труда утвердилось в нашем научном лексиконе [3, с. 30–46]. Нет, до этого еще жить и мыслить довольно долго. А сопротивление научной общественности следует объяснять тем, что крестьяноведение (оно же – моральная экономика) достигло на сегодняшний день такого уровня развития, что претендует на вторжение в область методологии истории. Причем если это вторжение будет достаточно решительным, то безраздельному господству теории прогресса в этой области может прийти конец. Чему же мы обязаны за то, что нынешний уровень отечественного крестьяноведения, кажется, вполне позволяет проделать эту столь долгожданную рокировку? Понятно, что ответ на такой вопрос будет большим и сложным. Мы просто не хотели бы, чтобы в поисках этого ответа коллеги упускали из виду ту большую творческую и организационную работу, которая уже проделана и продолжает осуществляться талантливым отечественным историком и обществоведом Павлом Петровичем Марченя.

Можно долго и содержательно полемизировать о фактическом появлении крестьяноведения в русскоязычной социальной литературе, упоминая в этой связи и славянофилов с их интересом к общине, и В. О. Ключевского с его исследованиями в области крепостного права, и А. Н. Энгельгардта с его «Письмами из деревни», и даже авторов наиболее глубоких работ по истории аграрных отношений в советской историографии. Почему «даже»? Да потому что в советской исторической литературе весьма прочно утвердилась теория прогресса в виде «Ленинизма и аграрно-крестьянского вопроса» [4] и «выход за эти флажки» не приветствовался¹. А можно просто признать факт: попытки рассмотрения важнейших событий отечественной истории с теоретических позиций крестьяноведения, а не научного коммунизма, вплоть до рубежа 1980-х – 1990-х гг. в нашей исторической науке как бы априори считались антинаучными.

Впору было ожидать, что в начале 1990-х гг. такая ситуация кардинально изменится. Ведь тогда все оценки, утверждения и выводы менялись самым радикальным образом. Но в области исторической аналитики по аграрно-крестьянской проблематике имел место, с нашей точки зрения, самый настоящий парадокс: оценочная шкала, резко изменившись по форме², оказалась едва ли не дальше от сути вещей в сравнении с той логикой исторических событий, которую задавал канонический двухтомник С. П. Трапезникова по аграрному вопросу. Парадокс в том, что так называемый марксизм-ленинизм, составлявший, казалось бы, прочную методологическую основу советской общественной науки (в том числе и такой ее отрасли, как политическая экономия), и либеральные теории рыночной экономики лишь по

¹ Попытка историков «нового направления» в 50–60-е гг. прошлого века писать о том, что уровень развития капитализма в российском сельском хозяйстве в первые десятилетия XX в. в советской историографии, мягко говоря, преувеличен, получила жесткий отпор со стороны «придворных» историков [5, с. 219–232].

² Один из наиболее характерных примеров этой перемены – П. А. Столыпин как «великий» реформатор и И. В. Сталин как автор «антинародного» аграрного курса на коллективизацию.

форме выглядели как взаимоисключающие подходы к анализу исторических событий. По сути же своей они были и продолжают оставаться двумя ипостасями теории прогресса. Более того, они не ходят одна без другой. Постулаты и ценности одной в течение последнего столетия базируются на категорическом отрицании постулатов и ценностей другой. Безудержное восхваление частного предпринимательства и рыночной экономики в российской учебной литературе последних десятилетий неотъемлемы от клеймения социализма и планово-государственной экономики, правда, под новыми именами: «тоталитаризм» и «административно-командная экономика».

Вырваться из тисков этой дихотомии, по нашему глубокому убеждению, можно только при помощи концепта «моральная экономика» и рассмотрения в этой системе координат важнейших событий советской истории – в особенности тех, за которые приверженцы либерализма настойчиво предлагают нам покаяться. Сильная попытка вторжения крестьяноведения в методологический инструментарий постсоветского российского обществоведения была связана с организацией регулярных заседаний междисциплинарного теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», который работал практически на протяжении всех 1990-х гг. [6–8]. Некоторым из постоянных участников заседаний семинара начинало казаться, что эти дискуссии, материалы которых публиковались журналом «Отечественная история», создают основу для нового подхода к анализу проблематики Русской революции, принципиально отличного как от догматики Краткого курса истории ВКП(б), так и от представлений о большевистском путче, положившем конец якобы вполне реальной возможности «демократического» развития бывшей Российской империи. Тем более, что в те же годы осуществлялся масштабный проект по выявлению и исследованию архивных документов под названием «Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг.», в который были интегрированы историки, постоянно участвовавшие в работе семинара [9].

П. П. Марченя позже рассказывал нам, насколько сильное впечатление произвели на него те публикации материалов семинара в главном российском историческом журнале. С одной стороны, привлекала сама форма организации поиска исторической правды: полемика представителей разных отраслей общественной науки (историков, экономистов, социологов, философов, идеологов) по поводу того или иного достижения западных *Peasant Studies*, зафиксированного публикацией соответствующей монографии. Сам здравый смысл вроде бы вопиет о том, что общественная наука только и может существовать в форме полемики, спора и всякая догматика/аксиоматика в ней в этой связи должна быть исключена. Однако в условиях безраздельного господства одной из вышеупомянутых разновидностей теории прогресса в качестве методологии общественной науки предполагалось, что историки должны заниматься историей, экономисты – экономикой и т.д., причем крайне желательно в рамках своей узкой специализации и «не выбегая за флажки». В советском обществоведении роль последних вполне успешно играл научный коммунизм, в западном – то, что советские историки и социальные философы именовали «советологией», или «антикоммунизмом».

С другой стороны, не менее привлекательным представлялось содержание тех споров между участниками аграрного семинара – и не только

потому, что оно носило непривычный междисциплинарный характер, но также и потому, что оно неизбежно несло полемистов «за флажки». Такого не было, когда в советской историографии успешно развивался жанр критики антикоммунизма по аграрному вопросу [10]. В те времена был такой пропагандистский штамп: «Два мира – две системы» – и действительно существовали две сверхдержавы, претендовавшие на то, чтобы повести «третий мир» за собой, по своей «системе». Идеино-теоретическая борьба между этими «системами» внешне действительно напоминала полемику, местами даже весьма напряженную. Но по аграрно-крестьянскому вопросу это была «борьба нанайских мальчиков» в том смысле, что здесь коммунизм и антикоммунизм были вполне едины: господствующие идеологии двух противоборствующих миров относили этот самый вопрос о крестьянах и крестьянском хозяйствовании к безвозвратному прошлому. Считалось, что и капитализм, и социализм проделали такой путь социально-экономического прогресса, что «третий мир», крестьянский мир неизбежно и в обозримой исторической перспективе будет преобразован либо по шаблонам планово-государственной экономики, либо в логике укрупнения производства, свойственного экономике рынка и частного предпринимательства. Однако с теоретических позиций моральной экономики, крестьяноведения эти вещи выглядят совсем иначе: данная методология ставит во главу угла обществоведческого анализа общинно-крестьянский менталитет огромного большинства населения таких стран [11, 12], который представляется куда более мощным фактором дальнейшего развития человечества, нежели трактует это теория прогресса [13].

Вот под каким углом зрения пришло самое время повнимательнее посмотреть основные события новейшей истории нашей страны, ее советского периода, анализируя при этом привычные стереотипы и штампы исторического мышления и с удивлением убеждаясь, сколь несущественно различаются в этом смысле прежние советские шаблоны и нынешние – главным образом антисоветские. Возьмем пример, лежащий на поверхности. Невозможно переоценить то, что люди, живущие в современной России и в странах постсоветского пространства, думают и чувствуют в связи с той самой Революцией, столетию которой не так давно посвящались конференции, симпозиумы и другие торжественные мероприятия. Какова была роль большевиков, их лидера В. И. Ленина в той Революции? Старый шаблон известен: большевики были партией рабочего класса, олицетворяющего индустриальное развитие, следовательно, общественный прогресс, объективно интересы этого класса совпадали с интересами «трудового крестьянства» (как будто бывает «нетрудовое»), а потому ленинская партия была просто обречена на победу в политической революции (т.е. в борьбе за верховную власть) – обречена «железной поступью прогресса».

Новый шаблон буквально навязан нам теми, кто всерьез считает себя победившими СССР в холодной войне. Эти победные настроения открыто звучат в разного рода политических текстах современного Запада. А сам шаблон вместо отождествления большевиков с общественным прогрессом представляет последний как имманентное свойство экономики, основанной на личном интересе и частном предпринимательстве, по отношению к которой руководители большевистского путча выступили скорее как разрушители. По нашему убеждению, советская догматика Октябрьской революции все

же несколько более прочно стояла на почве исторической реальности – но не более того. Дело в том, что в обоих случаях народ (а в данном случае это огромное большинство населения вчерашней Российской империи, т.е. общинное крестьянство) вместо того, чтобы стать объектом особого непредвзятого исследования, был представлен таким образом и наделен такими свойствами и ценностными ориентирами, чтобы ни в коем случае не нарушалась «чистота» теории. Так, в коммунистической революционной доктрине беднота и трудовое середнячество пылали классовой ненавистью к кулаку и помещику. В антикоммунистической логике любой крестьянин, что называется, спит и видит, как бы самому сделаться кулаком либо просто максимально крепким и зажиточным хозяином.

Как такие идейно-политические стереотипы мышления соотносятся с исторической реальностью? Ведь понятно, что в российской деревне революционной поры хватало и того, и другого – в зависимости от местных особенностей, ситуации, человека и т.д. Какие были реальные возможности обогащения и реальная опасность обнищания? Каковы были в этой связи не умоуловимые (желательные идеологам тех или иных партий), но реальные умонастроения и поведенческие стратегии крестьян, которые можно было бы считать господствующими, т.е. тенденциями политического поведения основной массы вчерашних подданных империи, провозглашенных сегодня гражданами в связи с формальным завершением истории империи? В парадигме моральной экономики, крестьяноведения эти-то вещи в первую очередь и должны исследоваться, сколь бы угрожающим это ни обещало обернуться для теории прогресса. Подчеркнем, что на двух последних заседаниях теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» они как раз и обсуждались, поскольку экспертные дискуссии тогда развернулись по содержанию глубоких историко-социологических исследований одного из организаторов этого семинара классика западных *Peasant Studies* английского профессора Теодора Шанина, первое из которых называется «Четыре с половиной аграрных программы Ленина», второе – «Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг.»¹. Как видно даже из

¹ Всего с февраля 1992 г. по февраль 2000 г. состоялось 15 заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития». Материалы первых 13 заседаний – стенограммы дискуссий вместе с рефератами западных монографий или переводами статей из области *Peasant Studies*, вокруг которых и разворачивались дискуссии, – регулярно публиковал журнал «Отечественная история». Лейтмотивом дискуссий был вопрос о том, насколько применимы к истории России те закономерности аграрного развития, которые выявляются западными крестьяноведами, сторонниками морально-экономических подходов. Почему редколлегия журнала не сочла возможным опубликовать записи обсуждения работ западного исследователя, посвященных революции в России, написанных с теоретических позиций крестьяноведения, причем обсуждения, в котором сам автор исследований принимал активное участие, нам теперь остается только догадываться. Догадка, лежащая на поверхности, связана с идеологическими предпочтениями членов редколлегии центрального исторического журнала РФ, и она косвенно подтверждается таким вполне современным фактом. В шестом номере журнала за 2018 г. была опубликована статья В. П. Булдакова «Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы “юбилейного бума”». В. В. Кондрашин, который принимал активное участие во всех заседаниях семинара, а теперь возглавляет отдел экономической истории ИРИ РАН, был глубоко возмущен тем, что в статье отсутствуют упоминания о новейших исследованиях крестьянского участия в революционных событиях. Он обратился с весьма аргументированным открытым письмом к главному редактору «Российской истории» (нынешнее название журнала). Оно было опубликовано на сайте журнала и, в частности, содержит такие слова:

названий работ одного из ведущих крестьяноведов современного Запада¹, вождя большевиков Т. Шанин считал менее приверженным догматизму и более живым и творческим в применении программы своей партии к революционной действительности России в сравнении с лидерами других партий и организованных политических сил, а социально-экономическую ситуацию в общинной деревне полагал более сложной и запутанной, нежели это могло представляться всем тогдашним политикам (включая Ленина) с их программами по аграрно-крестьянскому вопросу.

Когда молодой историк из Ульяновска, родного города вождя революции, П. П. Марченя определялся с темой своего диссертационного исследования, он, надо полагать, интуитивно склонялся к подобному же общему взгляду на эти принципиальные вещи. И тот факт, что в 2002 г. диссертация по теме «Крестьянство Поволжья и большевики в 1917 г.: социокультурный аспект» [18] была успешно защищена в Российском государственном гуманитарном университете, может свидетельствовать, что в ее тексте и в соответствующих научных публикациях автора содержится достаточно историографических и архивных фактов в подтверждение той постановки вопроса, что большевики и взяли власть благодаря опоре на крестьянские умиротворения, на крестьянскую поддержку и удерживать ее могли только при том условии, что умели улавливать эти умиротворения и учитывать их в своей политике. Ленин действительно до конца своих дней предпринимал огромные интеллектуальные усилия в попытках соединить свой марксизм, т.е. воспринятую от Г. В. Плеханова почти религиозную веру во всемогущество теории общественного прогресса, и общинно-крестьянскую российскую реальность времен Гражданской войны и военного коммунизма. И верх в этой напряженной внутренней борьбе неизменно брал прагматик, все глубже постигающий хитросплетения моральной экономики крестьянства (в отличие от циничной и аморальной экономики капитала).

Именно таким выглядит Ленин у Н. А. Бердяева в «Истоках и смысле русского коммунизма» [19, с. 89, 93–95], именно такой Ленин более детально прописан в упомянутой выше научной статье Т. Шанина о постоянной работе вождя революции над уточнением аграрной программы своей партии².

«Складывается впечатление, что крестьянству и вообще народу не место в высокоинтеллектуальной историографии российской революции. По крайней мере, так выглядит со стороны статья ведущего специалиста по данной проблеме в России». В 2020 г. В. В. Кондрашин вновь обращается с открытым письмом в редакцию. На этот раз его законное возмущение вызвала статья М. Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» [14]. Он пишет, что нелепо в статье с таким претенциозным названием полностью обойти молчанием крестьянское сельское хозяйство страны. Появление этого письма на сайте «Российской истории» было сочтено неуместным. Однако в редакции журнала «Крестьяноведение» данный текст был признан достаточно содержательным, чтобы быть опубликованным на страницах журнала [15].

¹ Впоследствии они были опубликованы на русском языке [16, 17], а с содержанием состоявшихся при их обсуждении на семинаре дискуссий есть возможность ознакомиться, поскольку материалы всех 15 заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» опубликованы единым изданием [8, с. 659–733].

² Впервые эта работа была опубликована в 1990 г. на английском языке в книге крестьяноведческих статей Т. Шанина под общим названием «Определяя крестьянство» [20, р. 280–312]. Она была включена ученым в четвертую главу монографии под таким названием: “Orthodox Marxism and Lenin’s Four-and-a-Half Agrarian Programmes: Peasants, Marx’s Interpreters, Russian Revolution”. Отметим, что эту главу книги составили исследования Шанина, доказывающие

С таким лидером большевиков встречаемся мы и на страницах монографии П. П. Марченя «Массовое правосознание и победа большевизма в России», в которой были опубликованы основные результаты диссертационного исследования. «Осенью 1917 года, – пишет он, – большевики захватили власть на волне погромов, ставших, как уже 25 октября признали оппоненты РСДРП(б), непосредственным результатом “большевистской тактики, бессознательно применяемой крестьянами, но сознательно одобряемой большевиками... Октябрьский переворот легитимизировал захватный характер крестьянского “передела”, что и стало решающим фактором победы партии Ленина, который впоследствии подчеркивал: “В октябре 1917 г. мы брали власть вместе с крестьянами в целом”...» [21, с. 183–184]¹.

Можно назвать целый ряд историков и других обществоведов, которые в той или иной мере были огорчены тем обстоятельством, что тринадцатая по счету публикация журналом «Отечественная история» материалов теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» оказалась последней², хотя состоялось еще два заседания приблизительно в том же составе участников и под тем же председательством – В. П. Данилова и Т. Шанина. Разумеется, П. П. Марченя также ожидал, что публикация этих дискуссий продолжится, полагал, что развитие отечественного обществоведения в данном направлении трудно переоценить. Но, в отличие от многих других сожалеющих о кончине семинара, он вместе со своим другом и единомышленником Сергеем Юрьевичем Разиным деятельно принялся за создание нового регулярно работающего форума специалистов. С точки зрения П. П. Марченя и С. Ю. Разина, это должны были быть специалисты, профессионально изучающие историко-социологические, философско-политологические и культурологические аспекты громадной проблемы взаимоотношений народа и

принципиальную несовместимость того, что происходит в истории аграрно-крестьянских обществ в XIX–XX вв. (и адекватных теоретических объяснений этого), с постулатами классической теории прогресса.

¹ В этой своей книге П. П. Марченя делает ссылки на монографию Т. Шанина «Революция как момент истины» [22], в которой достаточно подробно показана эволюция позднего Ленина от ортодоксального марксизма в направлении крестьянских истин. В первом издании эта монография касалась в основном событий 1905–1907 гг. в России [23]. Однако при подготовке к публикации русского перевода данной монографии Шанин счел необходимым даже в названии книги отразить преемственность в характере революционных событий 1905–1907 и 1917–1922 гг., солидаризируясь с убеждением своего друга и единомышленника В. П. Данилова, что в России в начале прошлого века имел место единый по своему внутреннему содержанию процесс крестьянской революции, который хронологически пришелся на 1902–1922 гг. и лежал в основе всех социальных и политических потрясений этого периода [24].

² В № 6 журнала за 1998 г. был опубликован доклад двух историков-экономистов Р. Дэвиса (Великобритания) и С. Уиткрофта (Австралия) «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.)» и запись дискуссии участников семинара по данному историческому исследованию. Дискуссия состоялась еще в июне 1997 г. и оказалась едва ли не самой острой и напряженной, что вполне естественно. Ведь речь, по сути, шла о коллективизации. При этом докладчики заведомо устранились от рассмотрения политических, социальных и ментально-психологических аспектов экономического развития главного и наиболее многочисленного сектора народного хозяйства СССР. Из их доклада следовало, что всестороннего рассмотрения природно-климатических и экономических факторов достаточно, чтобы судить об объективном характере аграрного развития страны в 1930-е гг. Получить тогда подобный доклад от западных историков по теме «Сталинизм и крестьянство» было, осторожно выражаясь, делом необычным.

власти в новейшей истории России. Так в результате энергичной деятельности двоих наших коллег, которую мы бы здесь назвали если не подвижнической, то во всяком случае самоотверженной, появился в отечественной историографии научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации». Результаты работы проекта (круглые столы, конференции, доклады, статьи) с 2009 г. по настоящее время публикуются в научной периодике или выходят отдельными изданиями [25, 26].

Конечно же, поднимаемые участниками проекта проблемы не ограничиваются фиксацией тождеств и подобий в представлениях о должном и справедливом сельских жителей, с одной стороны, и членов ленинской партии, с другой, в событиях столетней давности. Хотя и одно это вполне оправдывало бы существование проекта, поскольку многие коллеги вольно или невольно (просто по инерции) продолжают фальсифицировать эту важнейшую страницу истории России, привычно руководствуясь теоретическими канонами прогрессизма (советского или антисоветского – неважно). Поэтому, раз уж мы затронули выше этот момент, несколько конкретизируем его, апеллируя к текстам П. П. Марченя и С. Ю. Разина – теперь уже как организаторов проекта «Народ и власть».

«Юбилейный бум», о котором иронически писал В. П. Булдаков [27], действительно имел место. И в этой связи даже появился такой концепт, как «Великая российская революция 1917 года». Но были в юбилейном году и публикации, отрицающие жизнеспособность этого концепта, в котором к февралю и октябрю 1917 г. в основном и сводится понятие «революция», причем в первом случае, в отличие от последнего, скорее со знаком «плюс». П. П. Марченя писал тогда: «Формально выражая интересы рабочего класса, большевики действовали во многом созвучно коллективистскому сознанию крестьянства. Дело не только в легитимизации “черного передела” – большевики вернули народу причастность “почве”, установили твердую власть, осуществили социальную модель государства на общинных принципах: патернализм, авторитарный коллективизм (“демократический централизм”), всеобщая регламентация общественной жизни, даже календарь выходных и праздников и т.д. Вместо десакрализованной старой Идеи большевики смогли предложить массам Идею “новую”, не просто сменив имперский идеократический комплекс “Православие, Самодержавие, Народность” на аналогичный “Коммунизм, Диктатура, Партийность”, но и мобилизовав все основные формы народных утопий и мессианских ожиданий. Практически все основные идеологемы большевизма можно представить в виде системы резонансных созвучий с соответствующими установками массового сознания, по схеме “свой – свой”» [28, с. 47–48].

Чтобы было лучше понятно, о чем идет речь, приведем одну из таблиц, которыми завершается учебное пособие П. П. Марченя «Массы и массовое сознание» и которые, безусловно, помогают более системному усвоению учебного материала [29, с. 119–120]. Книга тоже была издана в 2017 г., но, думается, дело тут не столько в «юбилейном буме», сколько в том, что давно уже пора помимо статей в специальной литературе предпринимать любые другие действия, способствующие вытеснению прогрессистских подходов к анализу событий родной истории морально-экономическими. Учебные пособия с их таблицами и схемами – отличный вариант.

**Большевизм и массы
России в кризисе идентичности 1917 г.: резонанс ценностей**

БОЛЬШЕВИЗМ и МАССЫ
«Диктатура» (подменившая «Самодержавие»)
«Коммунизм» (подменивший «Православие»)
«Советскость» (подменившая «Народность»)
«Социальная справедливость» (подменившая идею универсальной Правды, которая есть и Истина, и Справедливость)
«Осовремененные» традиционные лозунги крестьянских выступлений («Грабь награбленное», «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают» и т.д.), лозунги эпической «политической платформы» Василия Буслаева («Кто хочет пить и есть из готового, валися к Ваське на широкий двор»)
Традиционные методы управления и властвования насилием
Здоровое понимание жизни каждого человека как Служения великой целостности людей
Монистическое стремление к Всеединству, Братству всех людей
Религиозно-эсхатологическая устремленность к Светлому Будущему
Антибуржуазность, «странничество», искания от «Града своего» (Земного, неправедного...) «Града Грядущего» (Праведного, Небесного, Китежа и т.п.)
Религиозное учение о «двух Царствах» и «Мессии» и представление о возможности заслужить рай мученичеством и (или) войной с «неверными»
Главные формы народной утопии (легенды «О Далеких землях», «О мужицком царстве», «О Царе-Освободителе» и т.д.)
Милость к страдальцам-труженикам
Искушение, Мучение – для неправедных
Обычные (корпоративно-солидарные, общинные, моральные...) представления о «своих» и «чужих»
Воспроизведение традиционных черт общинной модели («мира») в масштабах всей страны: всеобщая регламентация жизни, «демократический централизм», авторитарный коллективизм, патернализм, эгалитаризм, синкретизм, тождество прав и обязанностей, даже календарь выходных и праздников...
...
«СВОЕ»...

Одно дело, когда возникают спорадические дискуссии в случайном контексте по одной-двум из этих ценностных установок на тот предмет, насколько они свойственны крестьянам-общинникам, с одной стороны, и большевикам-партийцам – с другой. И совсем другое дело, когда ученый, всю жизнь занимающийся этой проблематикой, предлагает такие шестнадцать позиций (намекая многоточием на незаконченность схемы) в единой таблице, что называется, одним залпом. Конечно, установки массового сознания в данном контексте по схеме «свой – свой» чрезвычайно интересны. Но не менее интересными и, главное, актуальными представляются бинарные оппозиции по схеме «свой – чужой», сведенные в таблицу «Элиты и массы России

в кризисе идентичности 1917 г.: соотношение ценностей» [29, с. 117–118]. Похоже, морально-ценностные установки традиционно ориентированных масс и либерально ориентированных элит (т.е. практически всех существовавших тогда политических партий за исключением большевиков и, может быть, левых эсеров) весьма существенно расходились. Автор предлагает тридцать таких оппозиций – и опять многоточие, приглашение к спору.

Этот спор не утихает в научной литературе и в публицистике, и чтобы лучше себе представить его содержание, приведем небольшую выдержку из выступления П. П. Марченя на одном из недавних научных мероприятий: «Когда элиты действуют неадекватно по отношению к массовому/крестьянскому сознанию, тогда и возникает ситуация “нигилизма”, который в таком случае связан не столько с “отсталостью” правовой культуры, сколько с проблемой цивилизационной идентичности. Понятно, что важными характеристиками крестьянского сознания были: абсолютное неприятие самой идеи частной собственности на землю; идея не “правового государства”, а правого Государя; идея не Конституции, а Царя; идея не какого-то абстрактного “гражданского общества” и “общегражданского патриотизма”, а конкретного служилого государства и общинного партикуляризма; идеи и ценности не “многопартийности”, а соборности; не “договорной”, а патерналистской власти; не “рыночной”, а моральной экономики; не “накопительской” (протестантской), а потребительской (православной) трудовой этики; были, конечно, и определенный авторитарный коллективизм с неприятием индивидуализма, и сильные антибуржуазные установки и т.д. И возможно, *негативизм*, местами радикальный негативизм крестьян к тем навязываемым “городскими самозванцами” новым “правовым ценностям”, которые общиной воспринимались как неправые – т.е. *противоправные*, – было бы правильнее рассматривать как проявление развитого правового чувства, а не пресловутого “правового нигилизма”» [30, с. 137].

Трудно не увидеть, что такая постановка вопроса о роли народных масс в кризисные периоды новейшей истории России не вписывается ни в коммунистическую догматику, ни, тем более, в либерально-демократическую аксиоматику, претендуя на собственную логику событий нашей политической и экономической (морально-экономической) истории. П. П. Марченя в последнее время сделал и продолжает делать очень немало для того, чтобы эта логика становилась неотъемлемой частью современной научной полемики [31].

Остановимся коротко еще на одном вопросе, не менее актуальном, чем вопрос о большевиках и крестьянах. Вспомним, сколько за последнюю четверть века было написано и сказано об аграрной политике сталинского руководства СССР в 1930-е гг., известной под именем коллективизации. И, как правило, все это писалось и произносилось с тех теоретических позиций, которые определяются ценностными установками либерально ориентированных элит. Научный проект «Народ и власть», похоже, имеет полное право записать в свой актив исключение из этого правила. Многие из его участников под руководством организаторов П. П. Марченя и С. Ю. Разина предприняли кумулятивное усилие показать, что под морально-экономическим углом зрения коллективизация выглядит существенно иначе: это и не советская колхозно-совхозная идиллия, однако отнюдь и не антисоветский нарратив

сверхэксплуатации крестьянской деревни со стороны партийно-государственной элиты.

В рамках проекта неугомиемые организаторы и руководители его создали теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Попытка подхватить эстафету от «Современных концепций аграрного развития» очевидна, и попытка, надо признаться, удачная. То, что по форме нынешний семинар отличается от прежнего, можно объяснить особенностями финансирования. Коротко говоря, он держится исключительно на энергии и энтузиазме организаторов. По содержанию же нынешние дискуссии, опираясь на теоретические наработки прежнего семинара, кажется, идут дальше. К примеру, здесь уже не обсуждаются ретроспективные альтернативы сталинской коллективизации, что было очень популярно в 1990-е гг.

Мы были участниками практически всех заседаний семинара. Третье из них, состоявшееся в мае 2012 г. на площадке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, интересно, в частности, тем, что в нем приняло участие наибольшее количество постоянных участников семинара «Современные концепции аграрного развития». Заседание проводилось в форме международного круглого стола на тему «Сталинизм и крестьянство», и многие выступления работали, как говорится, на разрыв шаблона. Речь, разумеется, не о том советском стереотипе, согласно которому коллективизация была прорывом из отсталого средневекового способа аграрного производства в крупное социалистическое плановое сельское хозяйство. По всем швам затрещал и альтернативный антисоветский миф о чуть ли не геноциде сталинского политического руководства против собственного крестьянского народа. Говорилось о социальных программах, которые осуществлялись в колхозах 1930-х гг., находя полное понимание и одобрение у вчерашних общинников – сегодняшних колхозников. А в одном из выступлений было приведено сравнение положения, в которое попали белорусские крестьяне на отошедших к Польше территориях, с ситуацией в Советской Белоруссии. Сравнение было в пользу советских колхозов [32, с. 397–400].

С. Ю. Разин говорил тогда: «В дискуссиях, посвященных Сталину и сталинизму, на протяжении многих лет звучат одни и те же мотивы: насилие, репрессии, террор, война с собственным народом. Такое одностороннее акцентирование внимания на насилии вряд ли приближает нас к пониманию природы и сущности сталинизма. В этой связи у меня всегда возникает вопрос: почему режим устоял? Я считаю, что если бы вся политика партийного и государственного руководства по отношению к крестьянству в конце 1920-х – 1930-х гг. сводилась только к насилию, то режим неминуемо был бы свергнут. На мой взгляд, важнейшим условием устойчивости сталинского режима было то, что он имел опору среди крестьянства, а также то, что он во многом соответствовал тем представлениям о мироустройстве, о власти, которые были характерны для крестьянского массового сознания. Русское крестьянство осознавало эту власть как “свою”. Именно это соответствие позволило СССР провести модернизацию, одержать победу в Великой Отечественной войне и стать одной из двух сверхдержав послевоенного мира. Именно этого соответствия нет у сегодняшней российской власти» [32, с. 407].

Мы полагаем уместным здесь сослаться на слова, которые произнес присутствовавший на заседании Т. Шанин, настоящий эксперт по истории аграрных отношений в России в XX в. и отличный знаток англоязычной литературы по *Peasant Studies*, которому было предложено выступить с заключительным словом. Он был предельно краток, отметив следующее: «...было сказано очень много интересного и важного. И также я лично получил необыкновенно сильные чувства. Состоявшееся сегодня заседание продемонстрировало, что проблематика русского крестьянства не умерла. Я собираюсь приходить теперь всегда, на все заседания семинара. Я думаю, что так много было положено сейчас на стол с точки зрения информации и вопросов, которые надо обсудить, что я не уверен, что лучшим способом было бы прямо теперь продолжить. Я думаю, что, быть может, стоит сейчас помолчать. Нужно непременно встретиться опять для рассмотрения этой темы. Действительно, так много легло на стол, что я лично, несмотря на то что это “мое поле”, чувствую, что меня “засыпало” разной информацией и разными вопросами. И хочется сначала подумать, и потом продолжить, а не спешить. Предлагаю определить время встречи – и продолжить» [32, с. 438].

Заседания с тех пор продолжают довольно регулярно. Предметом спора на них помимо коллективизации становятся и другие принципиальные теоретические и научно-практические вопросы. По данной же проблеме П. П. Марченя не так давно сформулировал свое убеждение так: «Коллективизация вполне вписывается в модель моральной экономики. Как община, в случае угрозы ее существованию, может ограничить права своих членов, так и государство, в случае угрозы своему существованию как целому, может нарушить права отдельных групп своего населения. То есть в этом смысле Советская империя в то время ничего против этой логики не сделала. Это как раз вполне в русле крестьянского сознания. Более того, вся система, которая была выстроена большевиками и закреплена сталинским режимом, по сути дела, превратила всю страну в одну большую общину, макрообщину, или мегаобщину, которая жила по законам крестьянского мира» [30, с. 139]. Можно спорить, наверное, даже нужно – что и происходит на заседаниях семинара. Но сторонников такой постановки вопроса со временем явно прибавляется.

В заключение данной статьи о моральной экономике как методологии исследования и об одном из наших коллег, вполне сознательно и убежденно взявшем эту методологию на вооружение в поиске правды в разных областях гуманитарного знания, еще раз предоставим ему слово – на этот раз в защиту самого слова «крестьяноведение». Может быть, это заронит какую-то тень сомнения в голову хоть одного скептика, отвергающего это непривычное слово и вполне довольного тем, как он обычно составляет научно-гуманитарные тексты – без оглядки на всякие «химеры».

Итак, в марте 2016 г. состоялась презентация книги «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке», включившей в себя материалы всех 15 теоретических семинаров «Современные концепции аграрного развития» 1990-х гг. [8]. Мероприятие было проведено в виде круглого стола, собравшего многих участников тех семинаров и исследователей, которых всерьез заинтересовали те публикации в «Отечественной истории». П. П. Марченя сказал тогда, в частности, следующее: «Да, можно спорить о том, существует ли (либо уже отсутствует) в сегодняшней России реальное

крестьянство, но не приходится сомневаться в реальности сохранения самой крестьянственности и вполне определенных характеристик крестьянского сознания, остающихся доминантами в условиях непреодоленной Смуты на всем пространстве разваленной Советской империи. Без адекватного понимания и полноценного учета этих объективно сохранившихся “крестьянских” характеристик немислимо и оформление новых (обновление старых) императивов дальнейшего исторического пути России как главных оснований ее “выздоровливания”, выхода из затянувшегося “Смутного времени”, восстановления прервавшейся “связи времен”, цивилизационной преемственности. Проще говоря, сохранения России в мировой истории. В этом смысле крестьяноведение в России – это не просто изучение аграрного вопроса, аграрной истории или современных концепций аграрного развития. Это одно из важнейших направлений современного проективного россиеведения, способ и мера понимания самой России, ее прошлого, настоящего и будущего» [33, с. 82–83]. Вот такое высказывание о моральной экономике одного из ее приверженцев, на наш взгляд, – прямо в точку.

Список литературы

1. Scott J. C. *Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven : Yale University Press, 1976. 246 p.
2. Бабашкин В. В. Крестьяноведение и история аграрных отношений в России // Вестник Российской академии наук. 2016. № 4. С. 327–335.
3. Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М. : АИРО-XXI, 2006. 144 с.
4. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2 т. М. : Мысль, 1967. Т. 1. 567 с. ; Т. 2. 622 с.
5. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М. : ИРИ РАН, 2002. 300 с.
6. Бабашкин В. В. Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М. : МВШСЭН, 1996. С. 291–300.
7. Бабашкин В. В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М. : МВШСЭН, 1999. С. 280–288.
8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.
9. Кондрашин В. В. Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара : Самарский ун-т, 2014. С. 341–347.
10. Шарапов Г. В. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М. : Мысль, 1966. 58 с.
11. Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М. : Мосгорархив, 1996. 398 с.
12. Буховец О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М. : РОССПЭН, 1996. С. 195–208.
13. Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–38.
14. Мухин М. Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.
15. Кондрашин В. В. Отклик на статью М. Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 1. С. 180–184.

16. Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 30–40.
17. Шанин Т. Четыре с половиной аграрных программы Ленина // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 188–211.
18. Марченя П. П. Крестьянство Поволжья и большевики в 1917 г.: социокультурный аспект : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 235 с. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/KD.pdf>
19. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 160 с.
20. Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford : Basil Blackwell, 1990. 348 p.
21. Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М. : Щит-М, 2005. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/mono-2005.pdf>
22. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 – 1917–1922 гг. М. : Весь мир, 1997. 560 с.
23. Shanin T. Russia 1905–07: Revolution as a Moment of Truth. London : Macmillan, 1986. 320 p.
24. Данилов В. П. Не смей! Все наше! Крестьянская революция в России 1902–1922 гг. // Россия. 1997. № 7. С. 15–20.
25. Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя Россия: по материалам научного проекта «Народ и власть» // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 1, История и археология. Философия. Политология. 2020. Т. 12, № 3. С. 127–136.
26. Марченя П. П., Разин С. Ю. Российская власть как фактор исторического процесса // Власть. 2020. № 4. С. 259–262. doi:10.31171/vlast.v28i4.7473
27. Булдаков В. П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 3–26.
28. Марченя П. П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41–52. doi:10.17976/jpps/2017.01.05
29. Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки русских революций. М. : Московский ун-т МВД им. В. Я. Кикотя, 2017. URL: http://users4496447.socionet.ru/files/ms_2017.pdf
30. Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.) : материалы кругл. стола / под ред. И. К. Загидуллина // Из истории культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 1, № 10. С. 133–146. URL: http://users4496447.socionet.ru/files/factor_crises.pdf
31. Буховец О. Г. Кумулятивный эффект в науке: «высокая теория» и опыт П. Марчени в изучении массового сознания // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 1, История и археология. Философия. Политология. 2021. Т. 13, № 1. С. 136–146.
32. Марченя П. П., Разин С. Ю. Сталинизм и крестьянство. По итогам Первого Международного круглого стола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М. : Дело, 2013. С. 392–446.
33. Бабашкин В. В., Виноградский В. Г., Гордон А. В., Зверев В. В. [и др.]. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 68–92.

References

1. Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 1976:246.

2. Babashkin V.V. Peasant studies and the history of agrarian relations in Russia. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2016;(4): 327–335. (In Russ.)
3. Lyukshin D.I. *Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie = The 2nd Russian dis-temper: the peasant dimension*. Moscow: AIRO-KhKhI, 2006:144. (In Russ.)
4. Trapeznikov S.P. *Leninizm i agrarno-krest'yanskiy vopros: v 2 t. = Leninism and the agrarian-peasant question: in 2 volumes*. Moscow: Mysl', 1967;1:567, 2:622. (In Russ.)
5. Anfimov A.M. *P.A. Stolypin i rossiyskoe krest'yanstvo = Stolypin and the Russian peasantry*. Moscow: IRI RAN, 2002:300. (In Russ.)
6. Babashkin V.V. Modern concepts of agricultural development: theoretical seminar. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost' = Peasant studies. Theory. Story. Modernity*. Moscow: MVShSEN, 1996:291–300. (In Russ.)
7. Babashkin V.V. Modern concepts of agricultural development: the seminar continues. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost' = Peasant studies. Theory. Story. Modernity*. Moscow: MVShSEN, 1999:280–288. (In Russ.)
8. Babashkina V.V. (ed.). *Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v KhKh veke = Modern peasant and agrarian history in Russia in the 20th century*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015:743. (In Russ.)
9. Kondrashin V.V. Peasant revolution in Russia 1902–1922: scientific project and scientific concept. *Agrarnaya istoriya KhKh veka: istoriografiya i istochniki = Agrarian history of the 20th century: historiography and sources*. Samara: Samarskiy un-t, 2014: 341–347. (In Russ.)
10. Sharapov G.V. *Kritika antikommunizma po agrarnomu voprosu = Criticism of anti-communism on the agrarian question*. Moscow: Mysl', 1966:58. (In Russ.)
11. Bukhovets O.G. *Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiyskoy imperii nachala XX veka: novye materialy, metody, rezul'taty = Social conflicts and peasant mentality in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: new materials, methods, results*. Moscow: Mosgorarkhiv, 1996:398. (In Russ.)
12. Bukhovets O.G. Mentality and social behavior of peasants. *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX–XX vv.) = The mentality and agricultural development of Russia (19th – 20th centuries)*. Moscow: ROSSPEN, 1996:195–208. (In Russ.)
13. Shanin T. Idea of progress. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1998;(8): 33–38. (In Russ.)
14. Mukhin M.Yu. One 100 years of NEP studies. Time to take stock? *Rossiyskaya istoriya = Russian history*. 2020;(5):3–14. (In Russ.)
15. Kondrashin V.V. Response to the article by M.Yu. Mukhin “100 years of the study of NEP. Time to take stock?”. *Krest'yanovedenie = Peasant studies*. 2021;6(1):180–184. (In Russ.)
16. Shanin T. Socio-economic mobility and the history of rural Russia 1905–1930. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2002;(1):30–40. (In Russ.)
17. Shanin T. Lenin's four and a half agrarian programs. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 2004;(1):188–211. (In Russ.)
18. Marchenya P.P. The peasantry of the Volga region and the Bolsheviks in 1917: socio-cultural aspect. PhD dissertation. Moscow, 2002:235. (In Russ.). Available at: <http://users4496447.socionet.ru/files/KD.pdf>
19. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma = The origins and meaning of Russian communism*. Moscow: Nauka, 1990:160. (In Russ.)
20. Shanin T. *Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World*. Oxford: Basil Blackwell, 1990:348.
21. Marchenya P.P. *Massovoe pravosoznanie i pobeda bol'shevizma v Rossii = Mass legal consciousness and the victory of Bolshevism in Russia*. Moscow: Shchit-M, 2005. (In Russ.). Available at: <http://users4496447.socionet.ru/files/mono-2005.pdf>

22. Shanin T. *Revolutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 – 1917–1922 gg.* = *Revolution as the moment of truth. Russia in 1905–1907 – 1917–1922*. Moscow: Ves' mir, 1997:560. (In Russ.)
23. Shanin T. *Russia 1905–07: Revolution as a Moment of Truth*. London: Macmillan, 1986:320.
24. Danilov V.P. Do not dare! All ours! Peasant revolution in Russia 1902–1922. *Rossiya = Russia*. 1997;(7):15–20. (In Russ.)
25. Marchenya P.P., Razin S.Yu. Empire of Russia: based on the materials of the scientific project “People and Power”. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Ser. 1, Istorija i arheologija. Filosofija. Politologija* = *Bulletin of Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 1, History and archeology. Philosophy. Politology*. 2020;12(3):127–136. (In Russ.)
26. Marchenya P.P., Razin S.Yu. Russian power as a factor in the historical process. *Vlast' = Power*. 2020;(4):259–262. (In Russ.). doi:10.31171/vlast.v28i4.7473
27. Buldakov V.P. The revolution we choose. Results and prospects of the “anniversary” boom. *Rossiyskaya istoriya = Russian history*. 2018;(6):3–26. (In Russ.)
28. Marchenya P.P. Russian multi-party system: the cradle of civil society or the grave of imperial statehood? *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political studies*. 2017;(1):41–52. (In Russ.). doi:10.17976/jpps/2017.01.05
29. Marchenya P.P. *Massy i massovoe soznanie: faktor sotsial'noy stabil'nosti ili ugroza natsional'noy bezopasnosti? Uroki russkikh revolyutsiy = Masses and mass consciousness: a factor of social stability or a threat to national security? Lessons from Russian revolutions*. Moscow: Moskovskiy un-t MVD im. V.Ya. Kikotya, 2017. (In Russ.). Available at: http://users4496447.socionet.ru/files/ms_2017.pdf
30. Zagidullin I.K. (ed.). Peasant consciousness as a factor of systemic crises in Russia (XVII–XX centuries): materials round table. *Iz istorii kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya = From the history of culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2020;1(10):133–146. (In Russ.). Available at: http://users4496447.socionet.ru/files/factor_crises.pdf
31. Bukhovets O.G. Cumulative effect in science: “High Theory” and P. Marchenya’s experience in the study of mass consciousness. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Ser. 1, Istorija i arheologija. Filosofija. Politologija* = *Bulletin of Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 1, History and archeology. Philosophy. Politology*. 2021;13(1):136–146. (In Russ.)
32. Marchenya P.P., Razin S.Yu. Stalinism and the peasantry. As a result of the 1st International Round Table. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istorija. Sovremennost' = Peasant studies. Theory. History. Modernity*. Moscow: Delo, 2013:392–446. (In Russ.)
33. Babashkin V.V., Vinogradskiy V.G., Gordon A.V., Zverev V.V. [et al.]. Modern peasant studies and agrarian history of Russia in the 20th century. Round table. *Krest'yanovedenie = Peasant studies*. 2016;1(1):68–92. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Валентинович Бабашкин
 доктор исторических наук, доцент,
 профессор кафедры политико-правовых
 дисциплин и социальных коммуникаций,
 Российская академия народного
 хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации
 (Россия, г. Москва, проспект
 Вернадского, 82)

Vladimir V. Babashkin
 Doctor of historical sciences, associate
 professor, professor of the sub-department
 of political and legal disciplines and social
 communications, Russian Presidential
 Academy of National Economy and Public
 Administration (82 Vernadskogo avenue,
 Moscow, Russia)

E-mail: babashkinvv@outlook.com

Олег Григорьевич Буховец

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры политологии,
Белорусский государственный
экономический университет (Беларусь,
г. Минск, проспект Партизанский, 26)

E-mail: o_bukhovets@tut.by

Oleg G. Bukhovets

Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department
of politology, Belarusian State Economic
University (26 Partizanskiy avenue, Minsk,
Belarus)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.02.2022

Принята к публикации / Accepted 01.03.2022